

Атакулова Мерим Абдыкеримовна, д.филол.н., профессор,
Ошский технологический университет,
Абдыкадырова Сюита Рысбаевна, научный сотрудник,
Ошский государственный университет,
Муратова Эльмира Кочкоровна, ст. преподаватель,
Ошский технологический университет
E-mail: atakulova.m@bk.ru, muratova29.71@mail.ru

О ПРЕДМЕТЕ И СОДЕРЖАНИИ КАТЕГОРИИ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

В статье рассматриваются средства выражения категории принадлежности в синхронно-сравнительном и диахронно-этимологическом планах. В ней производится краткий, но всесторонний анализ форм тюркского лично-посессивного словоизменения с точки зрения эгоцентрического понимания природы местоименных слов и морфем в языке.

Ключевые слова: лично-посессивный, лично-предикативный, эгоцентрическое поле, синхрония, диахрония, парадигма, аналитический, синтетический.

Атакулова Мерим Абдыкеримовна, филол.и.д., профессор,
Ош технологиялык университети,
Абдыкадырова Сюита Рысбаевна, илимий кызматкер,
Ош мамлекеттик университети,
Муратова Эльмира Кочкоровна, ага окутуучу,
Ош технологиялык университети

ТААНУУ КАТЕГОРИЯСЫНЫН ПРЕДМЕТИ ЖАНА МАЗМУНУ ЖӨНҮНДӨ

Макалада таандык категориялары туюнтуу каражаттары катары синхрондук-салыштырмалуу жана диахрондук-этимологиялык жааттан алып каралат. Анда тилдеги атооч сөздөрдүн жана морфемалардын табиятын эгоцентристтик түшүнүү көз карашынан түрк жеке-ээлик сөз өзгөрүү формаларына кыска, бирок ар тараптуу анализ жасалган.

Негизги сөздөр: жекече-ээлик, персоналдык-предикативдик, эгоцентристтик талаа, синхрония, диахрония, парадигма, аналитикалык, синтетикалык

Atakulova Merim Abdykerimovna, doctor of philological
sciences, professor, Osh Technological University,
Abdykadyrova Suite Rysbaevna, researcher,
Osh State University,
Muratova Elmira Kochkorovna, senior lecturer,
Osh technological university

ABOUT THE SUBJECT AND CONTENT OF THE CATEGORY OF BELONGING

The article deals with the means of expressing the category of belonging in the synchronous-comparative and diachronic-etymological planes. It provides a brief but comprehensive analysis of the forms of Turkic personal-possessive inflection from the point of view of an egocentric understanding of the nature of pronominal words and morphemes in the language.

Key words: personal-possessive, personal-predicative, egocentric field, synchrony, diachrony, paradigm, analytical, synthetic

Предмет и содержание категории принадлежности определяются в грамматиках языка по-разному.

Узко морфологическое понимание. Такое понимание представлено в трудах А. М. Щербака, С. К. Кенесбаева, Н. Б. Карашевой, А. Г. Магамедова. [9] и предполагает отнесение к данной категории только систему форм лица, дифференцируемых в основном в пределах семантических признаков «1-ое лицо+2-ое лицо+3-е лицо» и «ед.ч.-мн.ч» и находящихся в контрастных и эквивалентностных отношениях. В качестве формальных показателей категории выступают лично-посессивные аффиксы. В этом случае применительно к киргизскому языку категория принадлежности обобщает семантику и функции следующих аффиксов с их алломорфами:

- 1) -м, -ым, -им, -ум, -үм;
- 2) -н, -ың, -иң, -уң, -үң;
- 3а, 3б) -ы, -и, -у, -ү, -сы, -си, -су, -сү (ед. и мн.);
- 4) -быз, -биз, -буз, -бүз, -ыбыз, -ибиз, -убуз, -үбуз;
- 5) -ңыз, -ңиз, -ңуз-ыңыз, -иңиз, -уңуз,
- 6) -нар, -нер, -нор, -нөр;
- 7) -ңыздар, -ңиздер, -ңуздар, -ңүздөр; -ыңыздар, -иңиздер, -уңуздар, - үнүздөр.

Данный перечень аффиксов характерен для литературного языка. В разговорной речи и в говорах мы встречаем и иные озвучания аффиксов: -выз, -виз....-быс, -бис и т.д. Эти аффиксы представляют собой конструктивно-семантическое единство, встречаются в составе слова как его составные части и определяют его морфологическую природу. Поэтому, естественно, они рассматриваются в рамках морфологии под заголовком «Имя существительное».

Такое понимание строго ограничивает словоформы с лично-посессивными аффиксами, не смешивая с другими формами принадлежности. Оно позволяет дать непротиворечивое определение самой категории, заключающееся в выражении отношения предмета к тому или иному лицу как обладателю с позиции производителя речи. Принадлежность выражается в парадигме словоформы. Предмет обладания содержится в основе или корневой морфеме словоформы, обладатель этим предметом - в лично-посессивных словоизменительных морфемах. Принадлежность здесь мыслится как морфологическая категория.

Однако, эта модель лично-посессивного спряжения имеет один недостаток. Она презентует парадигму под заголовком «Имя существительное», хотя известны соответствующие аффиксы способны принимать не только имена существительные, но и местоимения (Мунуң эмнең? «Что это такое? [твое]»), числительное (Үчөөң калгыла «Оставайтесь трое из вас»), имя действия (Иштешиң керек; Иштөөң керек "Тебе надо работать»), субстантивированные прилагательные и причастия (Калганың дурус "Лучше тебе оставаться"; Калганынар кеткиле «Оставшиеся из вас пусть уходят» и т.д.).

Эти примеры дают основания считать лично-посессивное словоизменение межчастеречной категорией, присущей не только именам существительным. Ее нужно вывести за пределы имен существительных и рассматривать наряду с другими надчастеречными категориями.

Понятие категория принадлежности имеет и широкое толкование. В этом случае эта категория охватывает не только функционирование аффиксов перечисленного типа, но и другие факты языка. Расширительное понимание категории распространено широко и не одинаково представлено у разных тюркологов. Приведем некоторые

данные, подтверждающие разнообразие подходов к расширительной модели рассматриваемой категории.

1. Парадигма лично-притяжательных аффиксов (балам «мой ребенок», балаң «твой ребенок» и т.д.) + парадигма сочетаний «личные местоимения род.п. словоформы Лично-притяжательными аффиксами» (менин балам «мой ребенок», сенин балаң «твой ребенок» и т.д.) [1]. Здесь объем понятия принадлежности значительно расширен, так как данная категория охватывает не только морфологические явления, но и небольшой «кусочек» атрибутивных словосочетаний.

Такой подход к категории принадлежности имеет три недостатка.

Во-первых, категория принадлежности выходит за рамки морфологии и вторгается в область синтаксиса, становясь не морфологической, а грамматической (морфолого-синтаксической) категорией. В этом случае она должна изучаться не в морфологии и тем более не в рамках имени существительного, а как надчастеречная грамматическая категория.

Действительно, мы не видим никакой логики в том, что местоименно-субстантивные словосочетания типа *менин балам* и др. рассматриваются под рубрикой «Имя существительное».

Во-вторых, не совсем мотивировано разграничение, проводимое авторами между личными местоимениями в род. п. и субстантивными словами в род. п., которые одинаково участвуют в выражении принадлежности. Основы личных местоимений 1-го и 2-го лица соотносительны с лично-посессивными аффиксами соответствующих лиц, а основы лично-указательного местоимения 3-го лица и существительных-с аффиксами 3-го лица. При таком подходе игнорируется семантическая и конструктивная общность 1-го компонента словосочетаний.

Словосочетания здесь делятся на две группы: 1) менин атым «мой конь», сенин атың «твой конь», анын аты «его/её конь»; 2) Кочкорбайдын аты «конь Кочкорбая», кедейдин аты «конь бедняка» и т.д. В названных выше грамматиках примеры первой группы отнесены к категории принадлежности существительных, а вторые оставлены без внимания, хотя в них тоже выражается принадлежность.

В-третьих, словосочетания типа менин атым «мой конь» состоят по крайней мере из четырех морфем - из двух основ (корней) и двух аффиксов, которые попарно распределены между двумя словами. Их просто невозможно втиснуть «в прокрустово ложе» имени существительного.

Таким образом, этот подход уязвим, недостаточно теоретически обоснован и не может быть принят нами и использован в дальнейшем изложении материала.

Понимание принадлежности как комплекса единиц языка представлено в трудах Н.К. Дмитриева и прежде всего в его статье «Категория принадлежности». Он различает несколько типов категории принадлежности.

А. Синтетический тип представлен парадигмой лично-притяжательных аффиксов: атым «моя лошадь», атың «твоя лошадь», аты «его/её лошадь» и т.д.

Б. Аналитический тип имеет морфолого-синтаксическую парадигму. Приведем примеры из татарского языка:

минем атым «моя лошадь»
синең атың «твоя лошадь»
аның аты «его/её лошадь»
бизнең атыбыз «наша лошадь»
сизнең атыгыз «ваша лошадь»
аларның атлары «их лошадь»

В. Синтаксический тип встречается в целом ряде тюркских языков. Например, в туркменском языке:

мениң ат

сениң ат
бизниң ат
сизниң ат

Этот тип имеет неполную парадигму, встречается в турецком, чувашском, сары-уйгурском и других языках, в орхонских надписях VIII в. и «употребляется скорее в разговоре, чем в литературном языке. Он тоже связан с определенной эмоциональностью, но не личного, а так сказать, коллективного характера. Характерно, что этот тип употребителен только для первого и второго лиц обоих чисел, а в некоторых языках-только первого и второго лиц множественного числа» [3]. Ср. киргизские примеры: биздин ат «наша лошадь», наряду с биздин атыбыз, сиздин ат «Ваша лошадь», силердин ат «ваша лошадь» при недопустимости выражений менин ат, алардын ат и т.д.

Г. Четвертый тип принадлежности включает в себя посессивные сочетания, в которых определяющие лично-местоименные словоформы занимают позицию относительно определяемого, то есть четвертый тип принадлежности «представляет собой перестановку второго типа» [3].

Как видим, Н. К. Дмитриев понимает категорию принадлежности весьма широко. В ее состав включены собственно морфологические, морфолого- синтаксические, синтаксические и стилистические явления. Автор здесь проявляет функционально-семантический подход и близок был к выделению функционально-семантического поля посессивности (принадлежности).

Кроме того, Н. К. Дмитриев отмечает наличие неполноты системы аффиксов в парадигме, т.е. дефектной парадигмы, и обращает внимание на стилистические особенности форм принадлежности.

И в то же время следует заметить, что очень широкое понимание категории принадлежности имеет ряд недостатков.

Во-первых, к морфологии отнесены синтаксические явления. Здесь, как и в предыдущей модели категории принадлежности, часть целого отождествляется с самим целым. Действительно, словоформа *атым* является частью сочетания словоформ *менин атым*, состоящего из определения и определяемого. Словосочетание имеет два компонента, каждый из которых отдельно друг от друга может изучаться в морфологии, обладая морфологическими категориальными свойствами. Эти свойства определяют их принадлежность к той или иной части речи, к тому или иному ее классу, к той или иной морфологической категории. Само словосочетание является таким целым, которое характеризуется своими категориальными свойствами и своим функционально-конструктивным измерением. Оно описывается в аспекте значения главного компонента (словосочетание с главным компонентом-существительным в противовес глагольным и другим словосочетаниям), зависимого компонента (атрибутивное словосочетание в противовес, например, объектным), в плане членов предложения (в конструкции *менин атыма жетпейт* первое слово-определение, второе-дополнение и т.д.). Следовательно, здесь под одной рубрикой рассматриваются разноуровневые и разноранговые явления языка. Следует отметить, что и здесь синтаксически однородные факты языка разбиты на два класса, один из которых отнесен к категории принадлежности, а другой остается за пределами этой категории. Ср., например:

Менин атым «мой конь»
сенин аты ң «твой конь»
анын аты «его конь»

← категория принадлежности

досунун аты «конь друга»
 агасынын аты «конь брата»
 Сабырдын аты «конь Сабыра»

вне категории принадлежности

Во-вторых, не совсем оправдано отнесение одного того же словосочетания с атрибутивным компонентом в препозиции и постпозиции к разным типам категории принадлежности. Атрибутивное местоименно-субстантивное словосочетание может иметь два варианта употребления. В одном случае лично-местоименный атрибут предшествует определяемому, занимая по отношению к нему препозицию, в другом случае он занимает постпозицию, следуя за ним. Позиция лично-местоименного слова не меняет содержания синтагмы и не оказывает влияние на ее смысл, если не считать еле уловимую стилистическую окрашенность второго варианта и некоторую его поэтизированность.

По словам Н. К. Дмитриева. «эмоциональность личного характера выражает четвертый тип, который структурно представляет собой перестановку второго типа: *атым менин*. Это соответствует русской передаче «конь-то мой... «(каков? А?)». Для сравнения можно привести две башкирские фразы: *минең атым югалды* и *атым минең югалды*. Первая значит: “мой конь пропал” вторая — «конь-то мой пропал!» в сочетании *атым минең* надо отметить особый порядок слов (определение после определяемого), что вообще бывает крайне редко и явно противоречит нормативному порядку слов тюркской фразы [3].

Мы считаем, что стилистическое различие двоякого употребления одной фразы не может быть основанием для ее отнесения к двум разным классам или типам одной категории. Нейтральное и эмоционально-стилистическое употребление одного и того же словосочетания правильнее рассматривать под одной рубрикой. Киргизское словосочетание *менин атым*, допускающее и иной порядок расположения компонентов, логически не может быть противопоставлено своему варианту, поскольку между ними имеется больше общих черт, чем различий.

Ясно, что идея Н. К. Дмитриева развивается в трудах многих тюркологов, понимающих содержание категории принадлежности очень широко и различающих в ней синтетические, аналитические, синтаксические и стилистические типы. Она может стимулировать плодотворную научную дискуссию, которая бы привела исследователей к наиболее оптимальному решению вопроса.

Н. З. Гаджиева явно сужает содержание и сферу отражения категории принадлежности и относит к ней только «систему» притяжательных аффиксов [9]. Конструкции типа туркменских *менин ишим* «моя работа», *атанын үйү* «дом отца» и туркменских *менин ишим* «моя работа», *атанын үйү* «дом отца» и др. рассматриваются в синтаксисе [9] под рубрикой «Изафет». Она выделяет и притяжательные местоимения двух типов: 1) *менин* “мой, моя, мое, мой”, *сенин* “твой, твоя, твое, твой” и др.: 2) *меники* «мой, моя. мое. мой». *сеники* “твой, твоя, твое, твой» и др.

Сразу отметим, что этот тюрколог проводит четкое разграничение между морфологией и синтаксисом. Но вряд ли можно согласиться с ее утверждением о наличии в тюркских языках притяжательных местоимений. Производные формы личных местоимений целесообразно рассматривать в морфологии прономинальных слов. Словоформы, называемые Гаджиевой притяжательными местоимениями, образованы от основы вин.п. и имеют генитивное значение [5].

Ряд моделей категории принадлежности обобщается К. Дыйкановым в книге «Имя существительное в киргизском языке» (1955г.). Этот исследователь киргизского языка, ссылаясь на идеи П.М. Мелиоранского, И. А. Кононова, Д. Исаева и других, описывает следующие способы выражения категории принадлежности в киргизском языке:

1. Выражение принадлежности «при помощи специальных притяжательных аффиксов» [4]; например, в кумыкском, туркменском и киргизском языках:

1л.ед. - м, -ым, -им, -ум, -үм;

2л.ед. ң. -ың, -иң, -уң, -үң;

3л.ед. -ы, -и, -у, -ү; -сы, -си, -су, -сү и т.д.

2. Выражение принадлежности с помощью сложного аффикса *-ныкы*, «который имеет следующие варианты: *-ныкы, -ники, -нуку, -нүкү* при основах на гласный; *-дыкы, -дики, -дуку, -дүки*, когда основа оканчивается на звонкий согласный; *-тыкы, -тики, -туку, -түкү*, когда основа оканчивается на глухой согласный звук» [4].

3. Выражение принадлежности конструкцией, состоящей из словоформ род.п. в функции определения и притяжательных словоформ в функции определяемого:

А) *менин китебим* «моя книга»

сенин китебиң «твоя книга»

анын китеби «его(ее) книга»

Б) *автордун китеби* «книга автора»

столдун буту «ножка стола» и т.д.

4. Выражение принадлежности сочетанием словоформ в осн.п. в функции определения и определяемого с притяжательными аффиксами:

кыргыз тили «киргизский язык»

колхоз базары «колхозный рынок»

Суусамыр жайлоосу «Суусамырское джайлоу» и т.д.

5. Выражение безаффиксными определительными сочетаниями: *жыгач күрөк* «деревянная лопата», *калай кашык* «алюминевая ложка», *бет май* «вазелин», *таш бака* «черепаха» и др. [4].

Такой состав форм принадлежности не представлен в трудах других тюркологов. У. Т. Кайдарова отсутствуют пункты 2 и 5 [9], у И. Абдувалиева - пункт 5 [1], у А. А. Чеченова и Н. Х. Ахматова - пункты 4 и 5 [9], у И. А. Андреева пункты 2, 3б, 4 и 5 [9], у П. Азимова, Дж. Амансариева и К. Сарыева — пункты 2, 4 и 5 [9] и т.д. Только Абдувалиев к этой категории относит сочетания типа *айылдык бала* «сельский мальчик», *шаардык кыз* «городская девушка» и др. [1]. Мы видим, что объем понятия принадлежности понимается разными учеными по-разному.

Сразу отметим, что последний пункт в модели Дыйканова совершенно излишен. К категории принадлежности отнесены определительные словосочетания, которые «оформляются без морфологических признаков» [4]. Эти примеры не имеют никакого отношения к изафету и категории принадлежности и могут быть определены как разновидность атрибутивных словосочетаний. С точки зрения типологического языкознания, правда, интересны последние два примера. Они свидетельствуют о том, что синтаксические явления одного языка могут соответствовать лексической единице в другом языке.

Если бы мы тоже включили этот разряд сочетаний к типам принадлежности, то сама категория лишилась бы определенности и в своем составе имела бы группу атрибутивных конструкций, вообще не выражающих принадлежность.

В отличие от Дмитриева, к категории принадлежности Дыйкановым отнесены и атрибутивные сочетания, в которых в качестве 1-го компонента использованы имена существительные (т.е. не только личные местоимения в род.п.).

Возражение вызывает содержание 2-го пункта. В данном случае сравниваются несравнимые явления языка. К. Дыйканов отмечает, что «слова с аффиксом «*-ныкы*» выражают принадлежность только третьему лицу, тогда как притяжательные аффиксы могут выражать принадлежность всем трем лицам единственного и множественного числа» [4]. Теперь разберемся, действительно ли аффикс *-ныкы, -ники...*, с одной стороны, и аффиксы *-м, -ым..., -ң, -ың...*, с другой одинаково участвуют в выражении

принадлежности и выступают как однопорядковые единицы языка по конструктивно-семантическим признакам.

Первый аффикс имеет следующие (взаимно не заменяемые) аллоформы: *-ныкы, -ники, -нуку, -нүкү, -дыкы, -дики, -дуку, -дүкү, -тыкы, -тики, -туку, -түкү*.

Присоединяясь к лично-притяжательным аффиксам 1 и 2 л. ед., они сохраняют между собой это качество, но допускает вариантность: *-дыкы/-кы-дики/-ки-дүкү/-кү*:

1 л. ед. апамдыкы/апамкы «мамин (-а,-о,-ы), принадлежащий(-ая,-а,-ие) моей матери»; энемдики/энемки «бабушкин (-а, -о, -ы)»; досумдку/досумку «принадлежащий (-ая, -ее, -ие) моему другу»; бөлөмдүкү/бөлөмкү «принадлежащий моему двоюродному брату или сестре (когда у адресата и адресанта матери - родные сестры)».

2 л. ед. апаңдыкы/апаңкы «принадлежащий (-ая, -ее, -ие) твоей матери»; энеңдики/энеңки «принадлежащий твоей бабушке»; досундуку/досунку «принадлежащий твоему другу»; бөлөңдүкү/бөлөңкү «принадлежащий твоему двоюродному брату или сестре».

Другие формы лица не могут допускать синонимических отношений.

Теперь посмотрим, в какой степени участвуют аффикс *-ныкы...* и аффиксы *-м, -ым..., -ң, -ың...* и т.д. в выражении принадлежности и каковы их общие и отличительные свойства.

Мы имеем здесь накладку двойное выражение принадлежности. К основе слова присоединяется лично-посессивный аффикс, указывающий на лицо обладателя, к нему - еще один сложный аффикс, состоящий из аффикса вин.п. и атрибутивно-предикативного аффикса *-ки* (*-кы, -ку, -кү*) и выражающий тоже принадлежность. Но два аффикса, имеющих тождественный смысл, не могли бы регулярно сочетаться друг с другом и образовать параллельно два ряда морфологических парадигм. Их сочетаемость сигнализирует, по-видимому, о том, что они имеют разные назначения и значения. Эти аффиксы отличаются друг от друга по следующим признакам:

1. В формально-парадигматическом отношении аффикс *-ныкы...* имеет морфологическую парадигму, 12 членов которой находятся между собой в отношении дополнительной дистрибуции. Каждый из алломорфов аффикса предполагает определенные конечные звуки в основе и, наоборот, выбор того или иного алломорфа обусловлен конечными звуками основы (гласность или согласность конечного звука, звонкость или глухость последнего согласного, качество гласного в последнем слоге).

А лично-притяжательные аффиксы сами представляют морфологическую парадигму как систему аффиксов, находящихся между собой в отношениях контраста и эквивалентности. При этом каждый их аффиксов обладает малой парадигмой на уровне морфонологии.

2. В семантическом отношении аффикс *-ныкы...* выражает принадлежность некоторого предмета лицу или другому предмету, обозначенному основой корневой морфемой слова, а лично-посессивные аффиксы имеют совершенно иные значения. Аффиксы лица указывает на обладателя, а основа (или корень) обозначает предмет обладания. В самой словоформе заключен смысл «предмет и его обладатель». В первом случае обладатель выражен в основе (или корне) словоформы, а аффикс выполняет подкрепляющую и связующую функцию.

В примере *китеб-им «моя книга»* аффикс *-им* указывает на 1 л. ед. как на обладателя, предмет обладания обозначается основой словоформы. Словоформа *меники*, состоящая из трех морфем основы *ме-*, аффикса вин.п. *-ни* и атрибутивного аффикса *-ки*, приравнивается по своему значению к аффиксу *-им*, то есть мы имеем соотношение: *-им = меники*. В данной словоформе есть указание только на обладателя. Сравнивая две словоформы, мы обнаруживаем, что первое более информативно и содержит больше языковой информации, чем второе. В нем одновременно выражается

и предмет обладания, и обладатель предмета. Второе заключает в себе только лицо как обладателя. Предмет обладания здесь находится за пределами словоформы: *китеп меники* «книга моя». Такую аналогию мы находим между лично-притяжательными аффиксами и личными местоимениями с аффиксом -ныкы... Однако последнее может присоединяться к основе существительных. В этом случае вышеотмеченное единство нарушается, поскольку аффикс -ныкы... в составе субстантивных или субстантивированных словоформ не находит аналогию. Ср., например:

Китеб-им	китеп ме-ни-ки	
Китеб-иң	китеп се-ни-ки	
Китеб-и	китеп а-ны-кы	
Китеб-ибиз	китеп биз-ди-ки	изоморфизм
Китеб-иңиз	китеп сиз-ди-ки	
Китеб-иңер	китеп силер-ди-ки	
Китеб-иниздер	китеп сиздер-ди-ки	
? китеп ата-сы-ны-кы		
? китеп кыз-ы-ны-кы		отсутствие изоморфизма
? китеп уул-у-ну-ку		

Считаем, что объединение парадигмы лично-посессивных аффиксов и словоформ с аффиксом -ныкы... под одну категорию требует наличия некоторых обязательных условий.

Во-первых, единицы, составляющие одну категорию, должны быть однородными по составу и однопорядковыми по объему.

Во-вторых, единицы одной морфологической категории должны быть целостными и типичными, образовывать регулярные ряды дифференцируемых по значению однотипных форм.

В-третьих, единицы одной категории обладают однородными, но дифференцируемыми значениями в рамках инвариантного значения. Синтаксические единицы не могут образовать морфологическую категорию.

Все это позволяет говорить о том, что грамматисты без всякого основания совмещают и смешивают морфологические синтаксические единицы языка. Здесь ущемляется статус синтаксиса: часть синтаксических явлений рассматривается в морфологии.

3. В логическом отношении соотношение морфологических и синтаксических категорий может быть представлено так (рис. 1, 2 и 3):

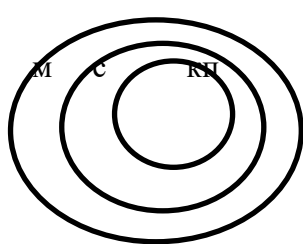

Рис.1

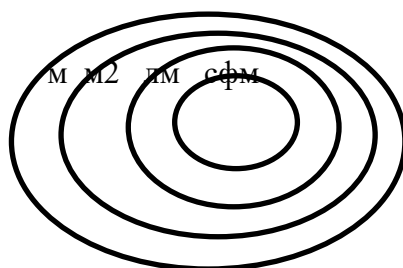

Рис.2

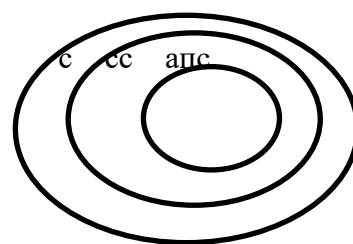

Рис.3

Здесь приняты сокращения: 1) М - морфология, С- имя существительное, КП - категория принадлежности; 2) М - морфология, М2 - местоимение, ЛМ-личное местоимение, СФМ-словоформы личных местоимений; 3) С - синтаксис, СС - словосочетание, АПС- атрибутивно-притяжательные словосочетания.

Два отдела грамматики - морфология и синтаксис - в данном случае представлены автономно как в любом учебнике грамматики языка. Морфология, существительное и

категория принадлежности выступают как разнообъемные понятия. Категория принадлежности входит в понятие существительного, определяя одно из его существенных свойств, имя существительное - в понятие морфологии. Точно так же словоформы личных местоимений не отделимы от самих личных местоимений, являясь их частью, личные местоимения выступают как разновидность местоимения, входящего в состав частей речи, т.е. в морфологию. Синтаксис включает в себя понятие словосочетания, разновидностью которого являются атрибутивно-притяжательные конструкции. Такая логика нарушена в книге К. Дыйканова «Имя существительное в киргизском языке». Правда, имя существительное этим исследователем рассматривается как морфологическая категория. К категории принадлежности он относит не только лично-посессивные аффиксы и словоформы, но и атрибутивно-притяжательные словосочетания типа *менин китебим «моя книга», китеп меники «книга моя», кыргыз тили «киргизский язык»*, простые атрибутивные сочетания типа *жыгач кашык «деревянная ложка»* с одной стороны, и, с другой, словоформы личных местоимений типа *менин и меники «мой, моя, мое, мои», сенин «твой, твоя, твое, твои»* и др.

Словосочетания относятся к синтаксису и по логике вещей должны рассматриваться в теории словосочетания. Особая роль принадлежит предикативным сочетаниям *китеп меники «книга моя», уй силердикиби? «корова ваша?»* со статусом предложения и со всеми признаками предикативности. А в нашем случае они освещаются в рамках имени существительного. Словоформы личных местоимений - данность морфологии местоимений, а не имен существительных. Поэтому изучение лично-местоименных словоформ в пределах существительных тоже, естественно, вызывает возражение.

На основе вышеизложенного мы приходим к следующим выводам.

1. Лично-посессивное словоизменение имеет категориальный статус. Оно свойственно преобладающему большинству именных частей речи и характеризует их с позиции производителя речи в аспекте «мое – не мое».
2. Категориальным значением личной посессивности является дихотомия «предмет обладания + лицо обладателя», выражаемая в пределах словоформы. Основа (или корневая морфема) обозначает предмет обладания, лично-посессивный аффикс -лицо обладателя.
3. Все иные словоформы и их сочетания выносятся за пределы лично-посессивного спряжения и относятся к другим морфологическим категориям или синтаксическим единицам языка.

Литература:

1. **Абдувалиев, И.** Кыргыз тили [Текст] // - Б., 2003.
2. Грамматика современного башкирского литературного языка - [Текст] // М.1981.
3. **Дербишева, З.К.** Функциональная грамматика русского и киргизского языков. – Б., 2003.
4. **Дмитриев, Н.К.** К истории аффиксов сказуемости. Категория числа. Категория принадлежности//Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Том II. Морфология. – М., 1956.
5. **Дыйканов, К.** Имя существительное в киргизском языке. – Ф.,1955.
6. **Зулпукаров, К.З.** Падежная грамматика теория и прагматика-СПб; Ош,1994.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
8. **Щербак, А.М.** Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). – Л., 1977.
9. Языки народов мира: Тюркские языки. – М., 1996.
10. Языки народов СССР. Тома I-V. – М., 1996-1968.